

УДК 811.511.131'37

ПОНЯТИЯ УШЪЯН И КУРЛАН В УДМУРТСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Т. Р. Душенкова

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

В статье рассматриваются понятия *ушъян* и *курлан*, которые наиболее ярко выражают роль общественного мнения – одного из социально-психологических механизмов, непосредственно воздействовавшего на каждого общинника. Традиционно роль коллективного осуждения и одобрения брала на себя *община* во всех своих ипостасях – социальных институтах. Когда поведение человека выходило за рамки общепринятых норм и понятий, реакция близких, родных, друзей была однозначной: *Мар калык (бускельёс, пересьёс) шуозы? – Что люди (соседи, старики) скажут?* Поэтому детей с малых лет приучали к скромности, вежливости, послушанию и долготерпению. Сельский житель целиком и полностью зависел от природных и климатических условий, поэтому помощь общины в выполнении разных видов сельскохозяйственных работ была просто необходима. Отсюда и такая зависимость от общественного мнения и аграрного мышления.

Есть одна парадоксальная черта мышления народа. С одной стороны, выделяться было нельзя, ибо могло повлечь за собой зависть, сглаз и даже осуждение, поэтому требовалось во всем соблюдать меру – *эсэл*. С другой стороны, каждый хотел, чтобы урожай и скотина уродились на зависть, ребенок вырос достойный восхищения и похвалы. Языковой материал дает интереснейшие примеры подобного мышления, а также стереотипов и норм поведения. В современных условиях города коллективное осуждение и одобрение несколько теряют свои функции. Но так уж устроена человеческая психика, что независимо от того, в каком времени и государстве мы живем, нам очень важно одобрение со стороны окружающих и крайне нежелательно осуждение.

Ключевые слова: аграрное общество; коллективное (языковое) сознание; осуждение; одобрение; концепты *ушъян* и *курлан*.

T. R. Dushenkova. THE CONCEPTS *USH'YAN* AND *KURLAN* IN UDMURT LINGUOCULTURE: THE PHENOMENON OF PUBLIC OPINION

The article discusses the concepts *ush'yan* and *kurlan* which express the role of public opinion in the most prominent way as a socio-psychological mechanism of direct influence on each member of the community. Collective disapproval and approval was traditionally performed by *the community* in all of its hypostases including social institutions. When one's behavior went beyond generally accepted rules and customs, the reaction of relatives, family and friends was unanimous: *Mar kalyk (buskel'es, peres'es) shuozy? – What will people (neighbors, the elderly) say?* Therefore children were taught to be modest, polite, obedient and patient from an early age. A rural dweller entirely depended on natural and climatic conditions, thus the help of the community in various agricultural works was essential. Consequently there was a heavy reliance on public opinion and agrarian thinking.

One paradoxical feature of people's way of thinking is noted. On the one hand, one should not stand out since it could result in envy, evil eye, and even dispraise, therefore one should know where to draw the line – *esep*. On the other hand, every one wanted to have abundant harvest and cattle, and a child worth admiration and praise. Language material contains the most curious examples of such mentality, as well as stereotypes and norms of behavior. In modern city life collective approval and disapproval tends to fade. Nevertheless, despite the historical period and country of residence, human mentality is constructed in such a way that we long for public approval and try to elude disapproval.

Key words: agrarian society; collective (linguistic) mentality; disapproval; approval; concepts *ush'yan* and *kurlan*.

Для традиционного удмуртского общества характерно коллективное аграрное мышление, что связано с природными и исторически сложившимися факторами. Поэтому для удмуртов до сих пор так важна общественная, коллективная поддержка – *ушьян* и чрезвычайно «опасно» осуждение – *курлан*. В удмуртской культуре глубоко заложена зависимость от общественного мнения. Даже небольшая поддержка, одобрение или похвала окрыляют и воодушевляют, а осуждение может размотать, уничтожить человека (*Ушьян бурдъятэ, курлан зйбе/паньгатэ*). Особенно это важно для удмурта, который работает в национальном коллективе, где помимо корпоративных и личных отношений действуют элементы «общинного». Субординация в отношении старших и высших по званию работает безукоризненно. Безусловно, что общественное мнение – это общечеловеческое явление, но в разных культурах оно имеет свои особенности, а язык их сохраняет.

Общественное мнение – один из социально-психологических механизмов, который непосредственно воздействовал на каждого общинника. Известный удмуртский этнограф В. Е. Владыкин отмечает, что «удмурты чрезвычайно дорожили своей репутацией среди родственников, односельчан, соплеменников. Очень многое значило, «что люди говорят», «что сказали», «что подумают», общественное мнение часто бывает высшей инстанцией, его «приговор» выдерживали не все, он мог привести даже к смертельному исходу. Поэтому так заботились уберечь себя «от сверху летящего, снизу ползущего слова», «от неверного слова», «от недоброго глаза», «от проклятий-напастей», достичь этого – значит, быть счастливым. Получит в своем социальном окружении титул *йӧскадь адями* 'настоящий человек', и тогда пусть «во всех краях от восхода до захода солнца слышащий да обо мне услышит, видящий да меня заметит»» [Удмурт оскон, 2010. С. 126].

Традиционно роль коллективного осуждения и одобрения брала на себя *община* во всех своих ипостасях – социальных институтах

(*бускель, кенеш, веме, суд старейшин* и т. п.). *Кенеш* обсуждал наиболее важные для общины вопросы. *Веме* как институт безвозмездной взаимопомощи заботился о каждом члене коллектива от мала до велика и имел полное право давать свою оценку совместной работе, выделяя лодырей и умельцев. *Суд старейшин/стариков* был очень строг к молодому поколению в вопросах отцов и детей. Даже в повседневном общении, во время коллективных работ и праздников регулярно и естественно демонстрировались нормы поведения, осуждались или подвергались корректировке отклонения от них, исподволь вызревали изменения. Сельская община – *бускель* – регламентировала практически все стороны жизни крестьянина. На нее ложилось много полномочий: от воспитания молодого поколения и проведения обрядов до общественного суда. «Практически все стороны жизни удмуртского крестьянства – поземельно-хозяйственная, податная, охрана порядка и действия крестьянского суда, морально-этическая, организация коллективного протеста, культурно-бытовая, религиозная и т. д. – в той иной степени были подчинены общественному мнению» [Никитина, 1997. С. 66].

Рассмотрим основные понятия *ушьян* «одобрение, похвала» и *курлан* «осуждение» в удмуртском языке. Анализ данных концептов выявляет закономерности, заложенные в нормах поведения и общения удмуртов, скрытых и в самом языке.

Ушьян. С самого рождения удмуртского ребенка сопровождало общественное мнение с похвалой и осуждением. Похвала и одобрение играли огромную роль в воспитании ребенка. При рождении родителям малыша высказывали пожелания: *Пиналды ушьямон-верамон, асьтэды сюдйсь-вордйсь медло* 'Да будет ваш ребенок достоин похвалы-почета, да будет вашим кормильцем' (*Ушьямон, ушьянэс* 'достойный похвалы (хвалы)'; *ушьянэс адями* 'достойный похвалы человек' [УРС 2008: 709]). И это было очень важно, ибо являлось показателем

хорошего воспитания. Как пишет автор книги «Народная педагогика удмуртов», к детям рекомендовалось относиться с вниманием и лаской <...>, но и заласкивать их не следовало (*мултэс ушъян – сёрон гинэ* ‘лишняя похвала – только порча’) [Никитина, 1997. С. 14].

«Поощрения, похвала были естественными оценками детского труда, – продолжает этнограф, – плохо выполненное дело, неуважительное отношение к чужому труду, в свою очередь, могли повлечь за собой наказание, порицание, осуждение. Над детьми, которые не овладели мастерством и умением, соответствовавшим, по местным представлениям, их возрасту, начинали насмехаться. О постоянном воздействии общественного мнения в этой форме свидетельствуют насмешливые прозвища для неумелых: *мырк* ‘тупой’, *йёспёртэм* ‘бестолковый’, *чутыртэм ки* ‘руки-крюки’, *китэм, пыдтэм адями* ‘безрукий, безногий человек’ и т. д. И наоборот, за трудолюбие, готовность прийти на помощь детям нахваливали – *пичи юрттйсь* ‘маленький помощник’, *кивоштйсе* ‘моя замена’, часто поощряли» [Никитина, 1997. С. 85]. Следует отметить, что похвала шла не только от родителей ребенка, но и от коллектива, т. к. дети с малых лет вместе со взрослыми участвовали в разных сельскохозяйственных работах.

Молодые люди, которые вели себя скромно (*востэм, лачмыт, зйбыт* и др.), всегда могли услышать в свой адрес похвальные отзывы, и наоборот, вмешательство в дела взрослых, возражения старшим вызывали отрицательную реакцию общинников. Часто можно (было) услышать наставления старших: *Калыклэсь эн пёртэмьяськы, калык валлин ул* ‘Не выделяйся среди других, будь как все, живи, как люди живут’. Во многих случаях это, несомненно, сковывало инициативу, творческое начало в молодом человеке и несколько окорачивало неугомонный нрав. «Всякий раз, когда поведение молодых выходило за рамки общепринятых норм и понятий, реакция близких, родных, друзей с точки зрения общинной морали была однозначной: *Мар калык (бускельёс, пересьёс) шуозы?* ‘Что люди (соседи, старики) скажут?’» [Никитина, 1997. С. 94]. Поэтому детей с малых лет приучали к скромности, вежливости, послушанию и долготерпению.

Это парадоксальная черта мышления народа: с одной стороны, выделяться было нельзя, ибо могло повлечь за собой зависть, сглаз и даже осуждение (*укыр кильтырьяськись, укыр востэм* и т. п.) – т. е. любое излишество или чрезмерное проявление всегда осуждалось – в одежде, в поведении и т. п. Во всем должна была быть мера – *эсэл* [см. Душенкова, 2013,

2014]. С другой стороны, каждый хотел, чтобы урожай и скотина уродились на зависть, ребенок вырос на зависть или достойный похвалы – *ушъяськымон/ушъямон, синмаськымон* ‘симпатичный, достойный симпатии’ [УРС, 2008. С. 599]. В последнем случае симпатия (греч. букв. «сочувствие») – устойчивое одобрительное эмоциональное отношение человека к другому человеку (людям или к чему-то), безотчетная любовь, влечение [Летягова, 2006. С. 322]. Здесь имеется в виду и характер, и внешние данные, а также умения и способности. Кроме того, как у русских, так и у удмуртов «вне ритуала хваление воспринимается как опасное действие, при котором объект восхваления можно сглазить. Неоконченную работу или любую другую деятельность (процесс) хвалить запрещалось, так как считалось, что можно сглазить работницу и работу. Повсеместно у славян распространен запрет хвалить ребенка, особенно новорожденного. Также запрещалось хвалить скотину во избежание падежа. Существовали разнообразные действия (в том числе вербальные) с целью предотвратить порчу или избавиться от сглаза после похвалы в неурочное время...» [Славянские древности, 2012. С. 409].

Следует разграничить положительные и отрицательные стороны слов *ушъян* ‘похвала’ и *ушъяськон* ‘хвастовство’. В удмуртском языке *ушъян* – ‘восхваление; прославление; хвала’ (*ушъян грамота* офиц. «почётная грамота»; *ушъян кылбур* лит. «ода») [УРС, 2008. С. 709]. Именно эта общественная похвала, одобрение (т. е. «признание хорошим, правильным... и хвала – слова одобрения, восхваления, похвалы» [БТСРЯ, 2002. С. 1440]) побуждает человека на те или иные положительные поступки. *Адями кадь лу, эн висьяськы* ‘Будь как все (люди), не выделяйся’. С ней связаны определенные запреты-табу: *Ужа – калык ушъялоз* ‘Работай – народ похвалит’; *Нъеч уж понна котьку но ушъяны кулэ* ‘За добрые дела всегда нужна похвала’.

Ушъяськон ‘хвастовство’, как правило, осуждалось, считалось излишним, недопустимым. Самовосхваление, похвальба оценивается негативно, ср. русские поговорки: *чем похвалился, тем и подавился; кто хвалится, тот с горы свалится* [Славянские древности, 2012. С. 407]. «Хвастовство (от *хвастать* – в первоначальном значении ‘болтать’) – выставление себя в хорошем виде, сообщение о своих реальных или мнимых успехах, достоинствах вследствие тщеславия и чванства, в расчете вызвать восхищение или зависть собеседника и получить от этого удовольствие» [Летягова,

2006. С. 389–390]. К данному понятию близки еще два: тщеславие и честолюбие, которые также общественным мнением резко осуждались. «Тщеславие (церковнослав., от *тъщъ* (*тощъ*) в значении ‘пустой’) – стремление к почету, к похвалам, к признанию мнимых своих заслуг, достоинств, в том числе совершение добра ради похвалы и почестей; хвастовство своими заслугами, богатством, высоким положением, происхождением. Типичная реакция на тщеславие – презрение, досада, подхалимство; может сочетаться с презрением к другим» [Летягова, 2006. С. 368]. «Честолюбие – стремление к внешней чести, почестям, уважению, почету, продвижению по службе и вследствие этого склонность действовать безнравственными способами» [Летягова, 2006. С. 394].

Человек должен услышать похвалу со стороны другого, а в лучшем случае – общины, социума: *Эн ушьяськы умы ужен, сое сотэк но аджозы* ‘Не хвались доброй работой, ее и без этого заметят’. *Ушьяськисълэн атасэз но пуза* ‘У хвастуна и петух несется’. *Молитваен уг gyro, ушьяськонэн уг арало* ‘Молитвой не пашут, похвалой не жнут’. *Ушьяськись кылыныз гозы пунэ, изысь ву пызьыртэ* ‘Хвастун языком веревку вьет, из камня воду выжимает’. *Ушьяськись мурт айы жазеглы кельше* ‘Хвастун на гусака похож’. *Ушьяськись муртлэн ымыз пель сьобраз* ‘У хвастуна рот за ушами’. *Ушьяськыса жече уд поты* ‘Хвастовством в люди не выбьешься’. *Ушьяськыса коттэ уд тыры* ‘Хвастливому сытым не бывать’. *Эн ушьяськы: ушьяськемед кышьяськыны но уз тырмы* ‘Не хвастай: твоего хвастовства и на заплатку не хватит’. *Маин ушьяськиськод, соин ик куашкаськод* ‘Чем хвалишься, тем и провалишься’ [УФ, 1987. С. 86]. *Эн ушьяськы, ош лекалоз* ‘Не хвались: бык боднет’ [Борисов, 1991. С. 310].

Слово *ушьяськыны* общепермского происхождения **oški-*; ср. в коми языке *ошйысьны* ‘хвастать, хвалиться’ [КЭСК, 1999. С. 209]. В удмуртском языке широко представлен и синонимический ряд данной лексемы: *ушьяськон, мактаськон, ушьяськон-мактаськон, даньяськон; дан поттон, шокьяськон* ‘хвастовство’ [Вахрушев, 1995. С. 222]. Антоним – *курланы* ‘хаять’.

Особого внимания заслуживает диалектный корень *уш-*: *уш кошкымон чебер ныл* ‘удивительно красивая девушка’; *уш кошкыны* ‘1) упасть в обморок, лишиться чувств, 2) удивиться’; *ушсэ лэзьыны* ‘ошеломить, поразить’ [УРС, 2008. С. 709]. Во всех примерах так или иначе присутствует сема похвалы. Другая пара примеров – *ушлы* диал. ‘умный, способный, с хорошей памятью’ и *ушсыз* ‘рассеянный,

забывчивый’. Первое слово указывает на наличие признака с аффиксом *-лы*, другой – на его отсутствие с аффиксом *-сыз*. Оба аффикса по происхождению являются тюркскими. Интерес представляет и глагол *ушаны* ‘нравиться’ (*та арбери мынам котам ушаз* ‘эта вещь мне понравилась’) [Борисов, 1991. С. 310]. Трудно сказать, в каком именно диалекте удмуртского языка встречается слово *ушлы*, но в русском есть похожее по звучанию, написанию и значению слово *ушлый*. Однако оказалось довольно сложно найти его значение. В словаре В. Даля приводится устаревшее значение слова ‘ушлець’ [Даль, 1998. С. 529], т. е. ушедший, потерянный. К слову *дошлый* дано следующее объяснение: ‘который дошелъ или поспѣлъ <...> о челов. Мастеръ своего дѣла; дока; опытный, свѣдущій, знающій, наторѣлый, бывалый, тертый, битый, смышленный, способный; || пройдошливый, хитрый <...> дошлый человѣк, ловкій, мастеръ; проныра, пройдоха’ [Даль, 1996. С. 488]. В данном случае интерес представляет второе, переносное, значение ‘хитрый, верткий, изворотливый, хваткий’, которое очень близко к семантике удмуртского слова. В словаре С. Ожегова *ушлый* может быть *дошлый* ‘способный дойти до всего, смышленный, ловкий’ [Ожегов, 1961. С. 173].

Кроме того, в удмуртском языке есть еще одно слово с суффиксом притворности или фиктивности [Красильников, 2009. С. 22–31] – *ушьямьяськон* ‘ирония, насмешка; издевка’ [УРС, 2008. С. 709]. «Категория фиктивности морфологически выражается аффиксами *-эмьяськы, -мьяськы*. Значение, выражаемое глаголом или отглагольным образованием в этой категории, включает оттенок неуверенности или неполной уверенности в наблюдаемом явлении/действии. Конкретное событие/действие как бы происходит, но у субъекта есть сомнение в его истинности» [Красильников, 2009. С. 26]. Возможно, что здесь отразилась такая ментальная особенность, как боязнь сглаза, которая присуща многим народам.

Курлан. Удмурты в большей своей части интроверты. Такие люди обладают нервной системой, не позволяющей им открыто выражать свои эмоции и переживания. Психический склад характеризуется сосредоточенностью на своем внутреннем мире, замкнутостью, созерцательностью, они не склонны к общению и с трудом устанавливают контакты с окружающим миром, т. е. своеобразная социофобия. Поэтому очень болезненно относятся к любому виду осуждения и критики (*Мар калык шуоз. Мар адямиос вералозы* ‘Что народ скажет. Что люди будут говорить’). При любом

виде осуждения – будь то коллективное, общественное, товарищеское или индивидуальное – удмурт теряет свою опору, теряет свою нишу в обществе; может быть подвергнут остракизму и отчуждению, полностью выведен из социального круга [Никитина, 1997. С. 73]. То есть от него могут отвернуться, перестать общаться. Яркий пример описан в повести удмуртского классика К. Герда «Матй». Главная героиня испытала на себе отчуждение, т. е. такие чувства, как «1) погруженность в себя, внутренняя отдаленность от окружающего; отдаление человека от самого себя, от своей глубинной сущности вследствие конформности, давления социальных институтов, желаний других, 2) ощущение недостатка теплых отношений с другими» [Летягова, 2006. С. 245–246]. Она вынуждена была бежать в лес, где одичала и совсем потеряла человеческий облик.

«Деревенский мир определял нормы поведения на все случаи жизни, следил за их исполнением, требуя неукоснительного соблюдения довольно жесткой системы общинного этикета и его вековых предписаний. В условиях «открытости» общения на селе каждый эпизод жизни человека становился объектом оценки со стороны окружающих, поэтому влияние общественного мнения на поведение ребенка (и даже взрослого. – Т. Д.) оказывалось важным фактором в его социализации» [Никитина, 1997. С. 66]. Община выступала как хранительница нравственных принципов, она вела борьбу с мотовством, праздностью, воровством, ленью, нерадивым отношением к труду отдельных членов семей. В качестве наказания общество могло подвергнуть провинившихся крестьян денежному штрафу в пользу мирской казны; отлучить от участия в общинных празднествах, молениях; отлучить от должности; подвергнуть публичному наказанию (после чего семья могла покинуть деревню); за праздный образ жизни даже выгнать из деревни; мерой принуждения за воровство и мошенничество мог стать вопрос даже о высылке в Сибирь неугодных членов; за определенные провинности, поступки могло осмеять, высмеять, относиться плохо, создать плохое мнение-репутацию о человеке и не доверять. Последнее для нас самое важное, ибо касается рассматриваемого вопроса.

Существительное *курлан* образовано от глагола *курланы* 'осуждать, порицать, хулить; порочить'. Семантика данного слова может варьировать от проклятия до простого осуждения. В одном из диалектов используется в значении 'стыдить, пристыдить' (ср. *курланыны* 'позориться, срамиться') [УРС, 2008. С. 354]. В словаре также приведены омонимы с корнем *кур*:

кур III 'злость, гнев || злой, сердитый' (*йырзэ кур карыны* 'разозлить, рассердить (кого-л.)'; *йырыз кур* 'он сердит (сердитый, злой)'; *йырыз кур луиз* 'он рассердился'); диалектный *кур* IV 1. 'стыд, срам, позор' (*кур луыны* 'осрамиться'); 2. 'горе, печаль, скорбь; забота, беспокойство, волнение' [там же]. Вероятно, первое значение можно соотнести с переносной семантикой слова *курмыны* 'загрязниться, запачкаться, пачкаться'; а ко второму значению – такие слова, как *курадзон* 'мучение, мука, страдание', *куректон* 'страдание, горе, печаль' и даже *курдан* 'боязнь, страх, испуг'.

Синонимами осуждения в удмуртском языке являются лексемы *курланы*, *куркарыны*, *лека тыны*; *урод карыны*, *урод кылын вераны*; *тыш-касыкыны* 'осуждать, осудить; хаять; охаивать, хулить; вспоминать недобрыми словами; ругать, бранить' [Вахрушев, 1995. С. 135]

Так как прямое осуждение, порицание не всегда было уместным, народ мог легко пристыдить виновника, используя для этого некоторые жанры устного народного творчества – дразнилки, частушки, пословицы и поговорки, иносказания. Вот что пишет этнограф Г. А. Никитина: «Значение общественного мнения четко осознавалось крестьянами. Апелляция к соседям, односельчанам осуществлялась как в форме прямого обсуждения безнравственных поступков и действий, так и в др. формах...» [Никитина, 1997. С. 67]. Фольклор часто высмеивал разные пороки – жадность, злобность, зависть, трусость, хвастовство и т. п.

Безусловно, зависимость от общественного одобрения и осуждения характерна всем обществам и народам и является общечеловеческой «слабостью». В зависимости от исторического времени, идеологии она могла несколько поменять интенсивность своего проявления. Современные психологи для успешности рекомендуют не поддаваться мнению общества, не следовать, не обращать внимания или манипулировать, приспособливаться, но при этом от него не зависеть. Главный успех в данном деле – четко идти к своей цели. В противном случае человек может сломаться, потерять свое лицо.

Понятия *ушъян* и *курлан* имеют большой вес в общественном мнении и крепко вошли в сознание каждого удмурта, вышедшего из сельского общинного быта. Часто оно носило превентивный (оградить, остановить, предупредить) характер, хотя могло иметь и откровенно карательный (физически наказать, сослать, изгнать из деревни и т. д.). Такова была роль общественного мнения в сельской общине.

Не следует забывать, что современное городское удмуртское общество (к примеру, интеллигенция) состоит из бывших сельских жителей, и лишь их дети и внуки постепенно «избавляются» от подобных комплексов. С одной стороны, общественное мнение регулировало разные стороны жизни удмуртского социума, а с другой – способствовало сохранению хозяйственной, культурной, нравственно-этической стороны жизни народа и поддерживало этническую самобытность.

В условиях города, а тем более мегаполиса, коллективное осуждение и одобрение или теряют свои функции, или приобретают иную форму – соцсети. Здесь действуют несколько иные законы, а значит, каждый выживает по-своему. Сельский житель, переехав в город, старается найти подобных себе и продолжает жить по прежним правилам или усваивает новые. Так уж устроена человеческая психика, что независимо от того, в каком времени, государстве мы живем, нам очень важно одобрение со стороны окружающих и крайне нежелательно осуждение.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002. 1536 с. (в тексте – БТСРЯ).

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН СССР, 1991. 384 с.

Вахрушев В. М. Синонимъёсын удмурт-жуч кылбугор. Ижевск: Удмуртия, 1995. 280 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1996. Т. 1. 800 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1998. Т. 4. 688 с.

Душенкова Т. Р. О чувстве меры или золотой середине в удмуртском языке // Финно-угорские языки и литература в современном мире: аспекты исследования и методика преподавания: материалы Межд. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию

мордов. и 20-летию финно-угор. отд-ний в МГУ им. Н. П. Огарева / Отв. ред. М. В. Мосин. 15–17 ноября 2012 г., Саранск. Саранск: Мордов. ун-т, 2013. С. 168–171.

Душенкова Т. Р. Эсэп: духовно-нравственные понятия удмуртского языка // Перспективы развития науки и образования: сб. науч. трудов по материалам Межд. науч.-практ. конференции 31 янв. 2014 г. / Мин. обр. и науки РФ. Тамбов: Бизнес-Наука-Общество, 2014. Часть 1. С. 70–74.

Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: ок. 16 000 слов. М.: Астрель; АСТ, 2005. 1021 с.

Красильников А. Г. Культурологические исследования удмуртского этноса: язык, фольклор, литература. Ижевск: ИПК и ПРО УР, 2009. 104 с.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. 2-е изд. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с. (в тексте – КЭСК).

Летягова Т. В., Романова Н. Н., Филиппов А. В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь. 2-е изд., испр. М.: Флинта; Наука, 2006. 424 с.

Никитина Г. А. Народная педагогика удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 136 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 4-е, испр., доп. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 900 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. Т. 5. 736 с.

Удмурт оскон: Вашкала куриськонъёс, вöсьясконъёс, статьяос / Дасязы В. Е. Владыкин, С. Н. Виноградов. Ижевск: Удмуртия, 2010. 210 с. (на удмурт. яз.)

Удмуртско-русский словарь / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; отв. редактор Л. Е. Кириллова. Ижевск: Удмурт. ИЯЛИ УрО РАН, 2008. 925 с. (в тексте – УРС).

Удмуртский фольклор: пословицы, афоризмы и поговорки / Сост. Т. Г. Перевозчикова. Устинов: Удмуртия, 1987. 276 с. (в тексте – УФ).

Поступила в редакцию 19.02.2015

References

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. S. A. Kuznecov. St. Petersburg: Norint, 2002. 1536 p. (in text – BТСRJA).

Borisov T. K. Udmurt kylljukam [Explanatory Udmurt–Russian dictionary]. Izhevsk: Udmurt. In-t istorii, jaz. i lit. UrO RAN SSSR, 1991. 384 p.

Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.]. St. Petersburg: Diamant, 1996. Vol. 1. 800 p.

Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.]. St. Petersburg: Diamant, 1996. Vol. 1. 800 p.

Dushenkova T. R. O chuvstve mery ili zolotoj sredine v udmurtskom jazyke [On the sense of proportion or the golden mean in the Udmurt language]. Finno-ugorskie jazyki i literatura v sovremennom mire: aspekty issledovanija i metodika prepodavanija: Materialy Mezhd. nauch.-prak. konf., posvjashh. 60-letiju mordov. i 20-letiju finno-ugor. otd-nij v MGU im. N. P. Ogarjova

(15–17 nojabrja 2012 g., Saransk) [Finno-Ugric languages and literature in the modern world: aspects of research and teaching methods. Proc. of int. sci.-pract. conf. on the 60th anniv. of Mordovia and 20th anniv. of the Finno-Ugric dep. of N. P. Ogarev MSU]. Ed. M. V. Mosin. Saransk: Mordov. un-t, 2013. P. 168–171.

Dushenkova T. R. Jesjep: duhovno-nravstvennye ponjatija udmurtskogo jazyka [Esep: spiritual and moral concepts in the Udmurt language]. Perspektivy razvitija nauki i obrazovanija: Sb. nauch. trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii 31 janv. 2014 g.: v 15 chastjah. Chast' 1 [Perspectives of science and education development: Collected sci. papers; proc. of int. sci.-pract. conf., Jan. 31, 2014.: in 15 parts. Part 1]. Min. obr. i nauki RF. Tambov: Biznes-Nauka-Obshhestvo, 2014. P. 70–74.

Krasil'nikov A. G. Kul'turologicheskie issledovanija udmurtskogo etnosa: jazyk, fol'klor, literatura [Culturological studies of Udmurt ethnos: language, folklore and literature]. Izhevsk: IPK i PRO UR, 2009. 104 p.

Kveselevich D. I. Tolkovij slovar' nenormativnoj leksiki russkogo jazyka: ok. 16000 slov [Russian foul language explanatory dictionary: about 16000 words]. Moscow: Astrel'; AST, 2005. 1021 p.

Lytkin V. I., Guljaev E. S. Kratkij jetimologicheskij slovar' komi jazyka [Short etymological dictionary of the Komi language]. 2-e izd. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 1999. 430 p. (in text – KESK).

Letjagova T. V., Romanova N. N., Filippov A. V. Tysjacha sostojanij dushi: kratkij psihologo-filologicheskij slovar' [Thousand soul states: a brief psychophilological

dictionary]. 2-e izd., ispr. Moscow: Flinta; Nauka, 2006. 424 p.

Nikitina G. A. Narodnaja pedagogika udmurtov [Folk pedagogy of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtija, 1997. 136 p.

Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]. Izd. 4-e, ispr., dopoln. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1961. 900 p.

Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar': v 5 tomah [Slavonic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Ed. N. I. Tolstogo. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija, 2012. Vol. 5. 736 p.

Udmurt oskon: Vashkala kuris'konjos, vösjas'konjos, stat'jaos. Dasjazy [Udmurt beliefs. Ancient prayers and spells, articles]. Authors: V. E. Vladykin, S. N. Vinogradov. Izhevsk: Udmurtija, 2010. 210 p. (in Udmurt).

Udmurtsko-russkij slovar' [Udmurt–Russian dictionary]. Eds. T. R. Dushenkova, A. V. Egorov, L. M. Ivshin, L. L. Karpova, L. E. Kirillova, O. V. Titova, A. A. Shibanov; L. E. Kirillova. Izhevsk: Udmurt. IJaLI UrO RAN, 2008. 925 p. (in text – URS).

Udmurtskij fol'klor: poslovice, aforizmy i pogovorki [Udmurt folklore. Proverbs, aphorisms and sayings]. Ed. T. G. Perevozchikova. Ustinov: Udmurtija, 1987. 276 p. (in text – UF).

Vahrushev V. M. Sinonimjosyn udmurt-žuch kylbgor [Udmurt–Russian dictionary of synonyms]. Izhevsk: Udmurtija, 1995. 280 p.

Received February 19, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Душенкова Татьяна Рудольфовна

старший научный сотрудник, к. фил. н.
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УрО РАН
ул. Ломоносова, 4, Ижевск, Удмуртская Республика,
Россия, 426004
эл. почта: dushenkovatr@mail.ru
тел.: 89225066051

CONTRIBUTOR:

Dushenkova, Tatiana

Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences
4 Lomonosov St., 426004 Izhevsk, Udmurt Republic, Russia
e-mail: dushenkovatr@mail.ru
tel.: 89225066051